

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия
при НИИКСИ СПбГУ

Археолог: детектив и мыслитель

Сборник статей, посвященный 77-летию

Льва Самойловича Клейна

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2004

ББК 63.4

A87

Ответственные редакторы:

Л.Б.Вишняцкий, А.А.Ковалев, О.А.Щеглова

Рецензенты:

д-р ист. наук *М.В.Акинович* (Ин-т истории материальной культуры РАН),
Ю.Ю.Пиотровский (Гос. Эрмитаж)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
факультета социологии*

Санкт-Петербургского государственного университета

Археолог: детектив и мыслитель: Сборник статей, посвященный 77-летию
A87 Льва Самойловича Клейна / Отв. ред. Л.Б.Вишняцкий, А.А.Ковалев, О.А.Щеглова.
— СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. — 502 с. ISBN 5-288-03505-9

Сборник научных трудов в честь выдающегося российского археолога профессора Льва Самойловича Клейна содержит исследования ученых — представителей ведущих научных центров России, Дании, Швеции, Польши, Великобритании, Канады, Австралии, США и Молдовы. Тематика статей отражает основные направления широкого спектра научных интересов Л.С.Клейна, среди которых теория и история археологической науки, спорные вопросы археологии бронзового века Евразии, социо-культурные и этнологические проблемы. Наряду с обобщающими теоретическими и методологическими работами, в сборнике представлены новые научные концепции и вводятся в оборот материалы, имеющие принципиальное значение для решения конкретных задач современной археологии.

Сборник рассчитан на широкий круг специалистов-гуманитариев, археологов, историков и этнографов, студентов и преподавателей вузов.

ББК 63.4

ISBN 5-288-03505-9

© Коллектив авторов, 2004

© Издательство

С.-Петербургского
университета, 2004

УМБОН ИЗ КУРГАНА «САДОВЫЙ» ПОД НОВОЧЕРКАССКОМ

M. Shchukin. A Shield-Boss from the Sadovyj Barrow near Novocherkassk

The paper represents a new publication of an iron shield-boss found in 1962 during the excavation of the Sadovyj barrow in the Lower Don area. The author, who was a participant of the excavation, describes the history of the discovery and discusses some possible analogies to the shield-boss that can be found in the Central European Germanic world. According to his conclusions certain German-Sarmatian contacts took place in the first half and the middle of the 1st century AD. This conclusion is substantiated by some historical and numismatic data.

— *Как же дальше жить?*
— Заниматься археологией.
Л. С. Клейн

Приведенный эпитаф нуждается в некоем объяснении. Лето 1962 года. Я был тогда студентом между вторым и третьим курсами, Л.С. Клейн — молодым преподавателем кафедры Археологии Ленинградского Университета, куратором нашего курса. Мне было предложено принять участие в раскопках курганов в Низовьях Дона, проводимых большой новоостроечной экспедицией Института Археологии Академии Наук СССР во главе с С.И. Капошиной, одним из отрядов которой, включавшей студентов-практикантов ЛГУ и должен был руководить Лев Самойлович.

Отряд ленинградских археологов появился в Новочеркасске как раз после известных, хотя ныне почти забытых событий — восстания рабочих Новочеркасского Металлургического Комбината, демонстрация которых, протестующих против введенных новых расценок их труда, первая в Советское время, была жестоко расстреляна и осуждена. Нам довелось увидеть и следы автоматных очередей на стенах зданий и отпечатки траков танков на центральных улицах Новочеркасска. Восстание было подавлено. Отсюда и вопрос одного из рабочих экспедиции, студента Театрального Института, эмоционально переживавшего произошедшее, и ответ Льва Самойловича. Ныне все это выглядит неким анахронизмом, но так было.

Отряд Л.С. Клейна раскапывал несколько курганов приблизительно в километре к югу от Новочеркасска и от находящегося на его окраине знаменитого сарматского кургана «Хохлач», открытого еще 1864 г. Находки из него — золотые, усыпанные бирюзовыми вставками гривна, браслеты, диадема, римские бронзовые сосуды и прочее — хранятся в Эрмитаже, широко известны, использовались самыми различными исследователями, хотя монографически пока так и не изданы. Наиболее полная сводка дана И.П. Засецкой в каталоге выставки, проводившейся во Франции в 1995 г. (*Zassetskaia 1995:55-66*).

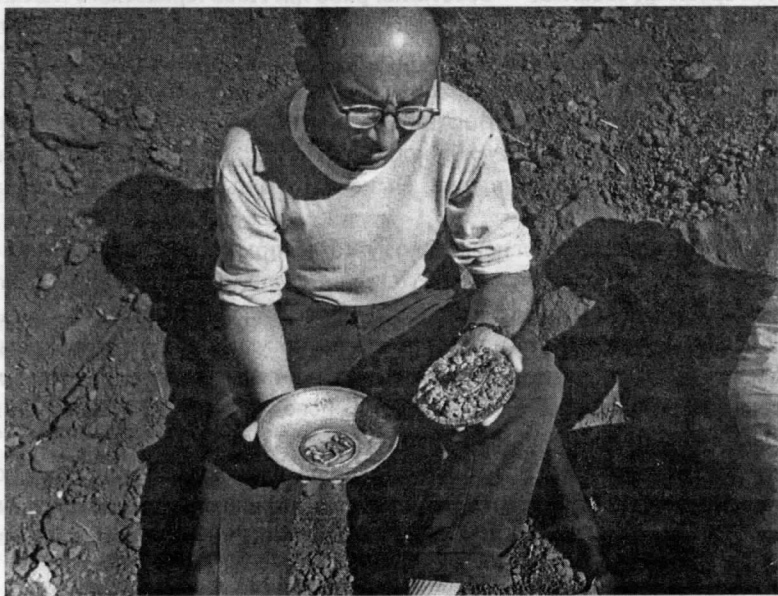
«Садовый» курган находился практически в пределах прямой видимости от «Хохлача» и был второй по заметности насыпей этой группы. До начала раскопок его высота была более 2 метров, а диаметр — около 48 м. Уже первая бульдозерная траншея, разрезавшая

¹ Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург, Россия.

насыпь, показала, что мы будем иметь дело с разграбленным захоронением, грабительская «мина», ведущая к центральному погребению, читалась достаточно отчетливо. Была надежда, что нечто могло сохраниться на «тризне», ручка сарматского бронзового котла уже виднелась в срезе траншеи.

Лев Самойлович поручил мне самостоятельно разбираться со стратиграфией кургана, вести дневник, его копия у меня сохранилась, делать чертежи бровок, нивелировки и прочее. Сам же он занялся более интересующими его курганами эпохи бронзы, дававшими весьма интересные находки. Я же понемногу копал «Садовый» зачастую оставаясь один на один с бульдозером, который то и дело ломался, делая сам зачистки стенок и дна трех траншей, разрезавших курган, добросовестно выявляя контуры грабительской «мины» на каждом ее уровне, остатки недавно еще стоявшей на кургане ветряной мельницы, старожилы ее еще помнили, впускные погребения современной эпохи и прочее. Так длилось шалко-валко в течение всего августа, пока 10 сентября не случилось неожиданное.

С утра в этот день мы с Львом Самойловичем обсуждали в очередной раз стратиграфию одной из бровок, бульдозером сносилась в это время северная пола кургана, где вряд ли можно было ожидать находок. Да и отвлеклись то мы всего на несколько минут, но раздался призывающий нас крик. Оказалось, что нож бульдозера срезал дно большого серебряного сосуда-лутерия, который накрывал клад, сделавший «Садовый» знаменитым — серебряные чаши-фиалы с барельефными медальонами на дне, изображающими мифологические или бытовые сцены, сбор винограда в частности, золотые, усыпанные бирюзой малые и большие фалары конской упряжи в «сарматском зверином стиле». Выборки из комплекса «Садового» неоднократно публиковались в разных статьях и каталогах выставок, я не буду их перечислять, это заняло бы слишком много места и времени. Но уже тогда мне-студенту, самой интригующей находкой показались некие обломки железного предмета, обнаруженные при расчистке входа грабительской «мины» в могильную яму, действительно начисту разграбленную. Поначалу мы приняли эти обломки за остатки железного котелка, но придя

Л.С. Клейн на раскопках «Садового» кургана. 1962 г.

на базу и попытавшись их соединить, поняли, что имеем дело с железным умбоном щита. Такие умбоны весьма характерны и многочисленны в Центральной и Северной Европе, но абсолютно отсутствуют во всей зоне Евразийских степей. Кочевникам-всадникам, будь они катафрактариями-копейщиками, либо конными лучниками, щит такого рода лишь мешал бы, у них обе руки должны были быть свободными для владения пикой или луком. Каким же образом щит с умбоном, свойственный технике боя кельтских и германских воинов, а также варварских ауксельруев-наемников римской армии, оказался в могиле сарматского аристократа из «Садового»?

Находка эта позволяет приоткрыть такие стороны жизни обитателей Придонских степей, которые невозможно было бы даже вообразить, не обрати мы внимание на эти прожавевшие куски железа.

Когда возник конфликт — кто будет публиковать находки, кому принадлежат авторские права — начальнику экспедиции С.И. Капошиной или начальнику отряда Л.С. Клейну, а конфликт был острым, я сразу сказал, что как бы там ни было, меня интересует лишь умбон — подобрать ему аналогии, определить хронологию и прочее. Вот лишь сейчас я имею возможность как-то реализовать свои тогдашние интуитивные пожелания.

В результате же конфликта оказалось, что оба исследователя по разным поводам, то и дело обращались к материалам «Садового» (Kaposchina 1963; Капошина 1963; 1965; 1967; 1967a; 1968; 1969; 1973; Клейн 1962a; 1962b; 1976; 1979), а полной публикации памятника так и не появилось. Об умбоне же во всех этих работах речи не шло.

Только Б.А. Раев (Raev 1986: 39; Pl. 1), занимаясь импортными вещами в сарматских курганах Нижнего Подонья, посветил умбону из «Садового» один абзац. Он указал на несколько находок умбонов щитов в Пантикапее, а в римской и боспорской армиях таковые действительно употреблялись, но все приводимые им параллели и отличны морфологически — более низкие, с более широким кантом — и относятся в основном к иной эпохе, к III-IV вв н.э. (Блаватский 1951; 1960; Сокольский 1955).

Умбон из «Садового» сфероконической формы, диаметр нижней части сфероконуса 10 см, высота — 74 см, ширина плоского канта, крепящего с помощью заклепок умбон к щиту — 3 см. Сохранность умбона составляет желать лучшего, но форма реконструируется достаточно легко. (Рис. 1:1).

Вторая находка германского умбона в богатом сарматском захоронении Подонья (Рис. 1:2) была сделана спустя почти 20 лет. Это погребение 28 кургана VII в Высочино (Беспалый 1985; Raev 1986: Pl. 64,1; 65,5; 66,1; 68,1). Но все равно их всего лишь два, что не идет ни в какое сравнение с обилием их в Центральной Европе.

Что касается хронологического определения умбонов из «Садового» и Высочино, то это не вызывает особых затруднений. В Центральной Европе аналогии весьма многочисленны, особенно на памятниках пшеворской и оксывской культур, известны их находки и в Германии, и в Скандинавии.

Сравнительно недавно достаточно подробный трехтомный каталог их был составлен Норбертом Цилингом (Zieling 1989). Существует целый ряд попыток типологического изучения умбонов (Zieling 1989:15–28), из которых наиболее общепринятыми долгое время были и остаются классификации Дитриха Бонзака для умбонов эпохи Латена (Bohnsack 1938) и Мартина Яна для римского времени (Jahn 1916). Практически почти все исследователи, писавшие или специально об оружии (Wołagiewiczowie 1963; Elantowska 1961; Redlich 1960; Weski 1982), или соответствующие разделы обобщающих работ (Leube 1976Ж 334–343; Godłowski 1981: 78–90; Raddatz 1985: 281–361), или в связи с публикацией памятников, пользовались классификацией названных авторов.

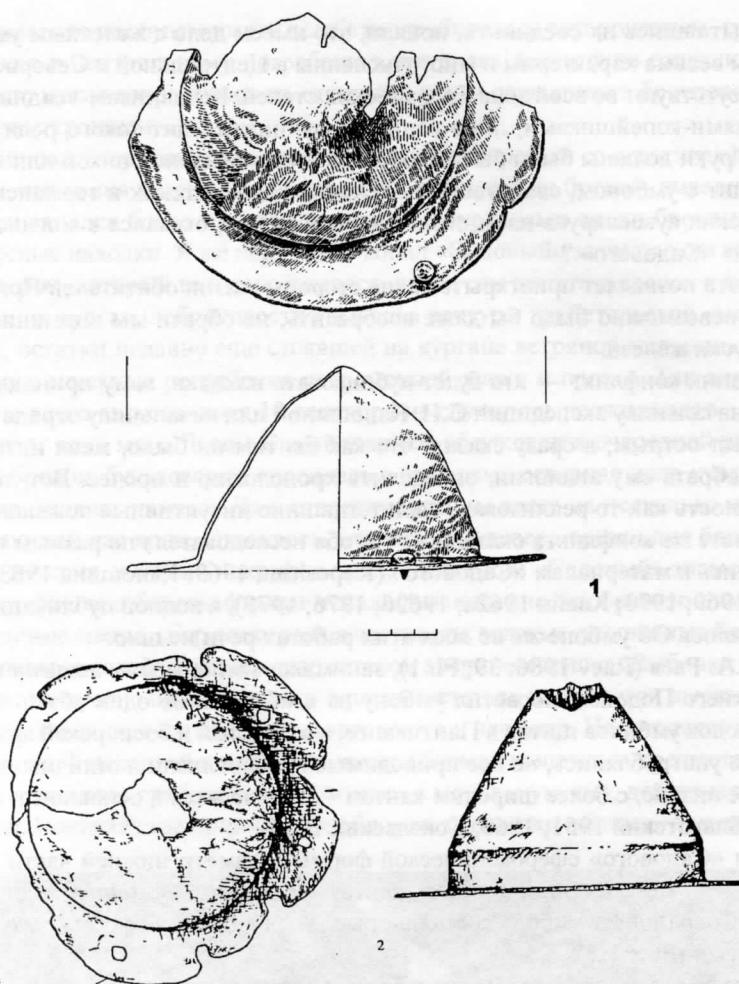
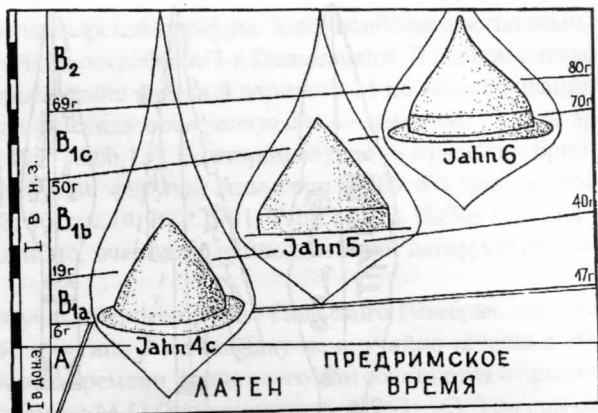

Рис. 1. Умбоны из кургана «Садовый» и Высочино

Умбон из «Садового» по своим пропорциям и форме ближе всего к типу 4с Мартина Яна, что соответствует типу 9 Дитриха Бонзака, а умбон из Высочино, с более выраженным ребром калотты (польские авторы называют такие умбоны «стожковатыми», напоминающими стог сена), относится к типу 5 римского времени по Мартину Яну.

Норберт Цилинг предлагает близкую, хотя и более детализированную классификацию, обозначив типы заглавными буквами латинского алфавита от А до К с соответствующим подразделением на «формы» и варианты внутри каждого типа. При работе с каталогом и типологией немецкого исследователя, у меня сложилось впечатление, что при всей фундаментальности труд не лишен недостатков: не очень определенны критерии различия типов, форм и вариантов, нет изучения соотношения их пропорций, все остается «на глазок», на интуицию. Иначе было и трудно, все умбоны из-за их количества заново не обмеришь, да и обмеры не были бы точны из-за покореженности значительной части их ржавчиной, фрагментированности и пр. Кроме того всякая классификация на мой взгляд — вещь в доста-

Рис. 2. Хронологическое положение умбонов по Мартину Яну.

точной мере условная, субъективная. Не будем сейчас вдаваться в теоретические проблемы типологии, о чем Л.С. Клейн написал достаточно много, не буду перечислять и приводить соответствующую литературу. Безусловная заслуга Цилинга состоит в том, что он дал наиболее полную сводку находок на 1989 год с указанием комплексов, в которых они были найдены, указанием места находок на картах, литературой, где они опубликованы. Это хорошая база для дальнейших типологических и хронологических изысканий, но не более того. Во всяком случае не стоит держать этот труд за «Библию» умбоноведения.

Типы 4с и 5 Мартина Яна соответствуют типу I-1 у Цилинга (Zeiling 1989: 27, Abb. 1a), а их он Европе насчитывает 135 экземпляров от ступени D-2 позднего Латена до ступени B-2 римского времени, то есть приблизительно в пределах от 60-х годов I в до н.э. до 70-х годов II в н.э. (Щукин 1994: 52–57, рис. 53). На мой взгляд, умбон из Высочино по пропорциям ближе к типу I-2 (Zieling 1989: Taf.12–13), но, поскольку у высочинского экземпляра утрачена верхушка, а именно она служит критерием различия этих типов (острая у I-1 и скругленная у I-2), то и с определением типа возникают некоторые затруднения. Придется, очевидно, рассматривать оба вместе.

Умбон же из «Садового», высокий, без выраженного ребра калотты, сопоставим с типом I-2a Цилинга (Zieling 1989: Taf.13,3) с формой сравнительно немногочисленной среди находок Центральной Европы. Цилинг называет 7 комплексов и все относятся непосредственно к рубежу нашей эры (Zieling 1989: 114–115). Два происходят с могильника Grossromstedt в Южной Германии (Eichhorn 1927: 288, Abb.97: 296), четыре — с памятников пшеворской и оксывской культур, в том числе с эпонимного могильника последней (Bohnsack 1938: Abb. 32, S.52; PZP 1981: Tabl. XX,4; Wołagiewiczowie 1963: Tabl. Ia, s.99; Wiklak 1965: 180, Рус.3; 4a-1), а один попал во Францию, в Clamanges на Марне, где найден в сочетании с позднелатенской фибулой с ажурным приемником (Kelten in Gallien 1978: 61, Abb.108).

Тип I-2 встречается в 9 комплексах. Четыре на могильниках Schönberg и Harsfeld в Нижнем Поэльбье (Hoffman, Schmidt 1959: 327, Abb.21–23; Wegewitz 1937: Taf.9, Abb.42, S.91; Taf.15, Abb.42, S.37). Впрочем, умбон из погребения 65 в Harsfeld можно было бы отнести скорее к типу I-2a (Wegewitz 1940: Taf.332,2). Два умбона происходят с могильника Wederath на Рейне, где один найден вместе с бронзовым асом Августа (27 г до н.э. — 14 г н.э.) или Тиберия (14–37 гг) и с позднелатенской фибулой, а второй — с обломками керамики terra sigillata того же времени (Haffner 1974: Taf.184f; Haffner 1971: Taf.6, Abb.4).

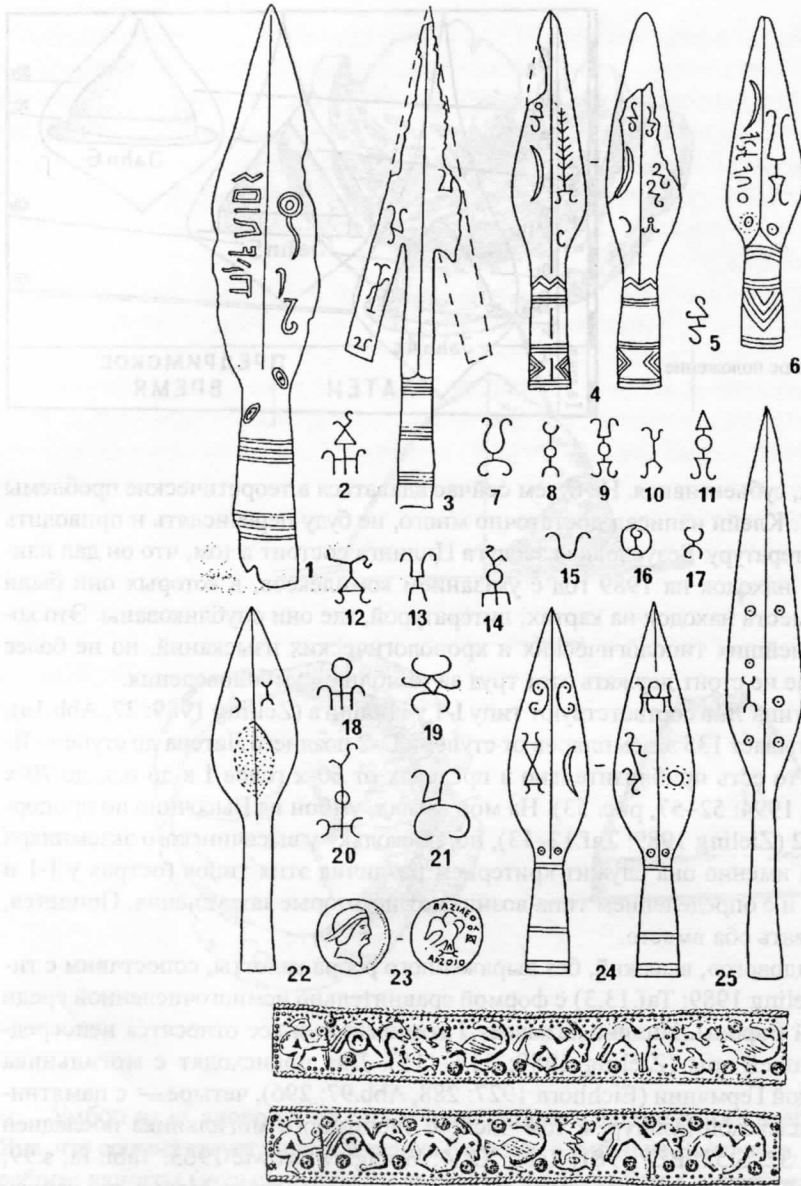

Рис. 3. Германские копья с тамгообразными знаками и руническими надписями: 1 — Сушично, 3 — Розвадун, 4 — Задовице, 6 — Мюнхенберг-Дамсдорф, 22 — Валле, 24 — Вжесна, 25 — Бодзаново.

Сарматские тамги, наиболее сходные со знаками на копьях: 2 — тамга Тиберия Евпатора (154–170 гг н.э.), 4 — Эланская в Прикубанье (на бронзовом котле), 7 — Задрость под Тернополем (на каменной стеле), 8 — на монете Инесмея, 9, 11, 17 — Рошава Драгана в Болгарии, 10, 21 — Неаполь Скифский, 12 — Ольвия (на каменном льве), 13 — Ал-Кая в Крыму. 15 — Скалистое в Крыму, 14, 18, 19, 20 — Пантикапей «энциклопедия», 16 — Грушка в Молдавии (на дне серебряной чаши или фалара из сарматского захоронения), 23 — монета царя Фарзоя. 26 — золотые обкладки кубка из Хемилигойе в Дании

Три умбона найдены на памятниках пшеворской культуры. Здесь наиболее показательны комплекс погребения 3 могильника *Wesołki* и погребение 1 в *Domogadzice*. В первом случае умбон сочетается с позднелатенской прогнутайте фибулой варианта М по классификации Костшевского и мечом в ажурных ножнах стиля *opus interrasile* — комплекс рубежа эр (*Dąbrowscy* 1967: 12–14, рис.6f; *Werner* 1977: Abb.13). Во втором случае — с римским бронзовым ведром *Eggers* 7, с глазчатой фибулой, фибулой Альмгрен 68/69 и с трехчастной восмерковидной пряжкой (*Jasnosz* 1978: 50, рис.14; *PZP* 1981: Tabl. 10,13). Набор характерный для ступени В-1 римского времени и это, очевидно, наипозднейший датируемый комплекс с умбонами типа I-2.

Данута и Рышард Волонгевичи, изучая древнее оружие Польского Поморья, отметили, что умбоны типа 4с по Мартину Яну и типа 9 по Бонзаку не случайно попали в обе классификации, и эрохи Латена, и римского времени. Чаще всего они сочетаются с прогнутыми позднелатенскими фибулами вариантов М-О (*Wołagiewiczowe* 1963: 56). Тем самым они относятся к сложному периоду перехода от эпохи Латена к римскому времени, растянувшегося почти на сто лет — от 60/50-х годов I в до н.э. по 50/70 гг н.э. (Щукин 1991). С середины I в н.э., после 50-х годов, в комплексах ступеней В-1с и В-2 они практически уже не встречаются за исключением, быть может, *Chojna* в Западном Поморье конца I в н.э. (*Jahn* 1916: 117; *Wołagiewiczowe* 1963: 65).

Умбоны типа 5 по Мартину Яну в основном распространены на ступени В-1b, двадцатых-семидесятых годов I в н.э., и лишь один экземпляр позже — *Прусиново* в Поморье, датируемое по совместно найденной шпоре рубежом I–II вв н.э. (*Jahn* 1921: 31; *Müller* 1957: 52, Taf.11e; *Wołagiewiczowe* 1963: 66).

Оба типа были объединены Норбертом Цилингом в единую группу конусовидных умбонов (тип I-1), которая оказалась одной из самых многочисленных в Европе, он насчитал 135 комплексов (*Zieling* 1989: 105–113).

Из них 6 определенно датируются еще эпохой позднего Латена, точнее где-то в интервале от 60–50-х годов I в до н.э. до первых десятилетий I в н.э. (Щукин 1991), сочетаясь с фибулами Альмгрен 44, начальным вариантом «глазчатых» фибул (*Jamka* 1964; Щукин 1994: Рис. 94), с фибулами Альмгрен 19 и с позднелатенскими вариантов М и N классификации Костшевского на могильниках *Grossromstedt*, *Wahlitz*, *Sobocisko* и *Wymyslowo*.

Ступенью В-1 датируется 14 комплексов по совместным находкам с сильнопрофилированными фибулами Альмгрен 28 и 77, а также с импортными римскими сосудами *Eggers* 8, 21, 24 и 133 и по другим вещам. Очень показательны совместные находки с фибулами серии Альмгрен 67–69, имеющими надежные даты по стратиграфии римского лагеря *Кемптен* (*Kossak* 1962). Фибулы Альмгрен 67/68 бытовали в 20–40-х годах, Альмгрен 68 — в 40–70-х, а Альмгрен 69 — в 50–80-х годах I в н.э. (Щукин 1991; Щукин 1994: 39). Они найдены вместе с умбонами на могильнике *Bornitz* в Германии, *Lab* и *Kostolna* в Словакии, *Gledzianowe* в Польше и в известном погребении 3 могильника *Гринев* в Верхнем Поднестровье (*Kosak* 1982).

В датировки Н.Цилинга можно было бы внести некоторые уточнения. Так дата погребений из *Dobrichov* (*Zieling* 1989: 664) с бронзовой ситулой *Eggers* 24 и из *Pelszyska* с ковшом *Eggers* 133 (*Nosek* 1947) может быть ограничена ступенью В-1a, датируемой с 6 по 20 гг н.э. или с 10 по 40 гг н.э., на что указывают корреляционные таблицы Рышарда Волонгевича (*Wołagiewicz* 1970: *Diagr.*A,3; Щукин 1994: рис.7; 8; 21, с.55; Щукин 1991), а погребения из *Bornitz* и *Prositz* — с сильнопрофилированными фибулами Альмгрен 77, которые скорее относятся уже к ступени В-1b (40–70 гг) и продолжают бытовать на ступени В-2 (70–170 гг), что опять же можно наблюдать на корреляционных таблицах Волонгевича,

демонстрирующих сочетаемость фибул с римской импортной посудой и выявляющих волны поступления их в Барбарикум (Wołagiewicz 1970: Diag. A,27).

Продолжают бытовать умбоны типа I-1 и на ступени B-2. Норберт Цилинг насчитывает 11 датированных таким образом комплексов (Zieling 1989: 111). Ступень B-2 обычно датируют 70–170 гг н.э., но все приведенные Н.Цилингом комплексы относятся скорее к самому началу этой ступени. Ко II в н.э. умбоны этой формы, очевидно, уже вышли из употребления.

Таким образом получается, что параллели умбону из «Садового» типа I-2а относятся преимущественно еще ко времени до рубежа н.э. (Zieling 1989: 114–115; Zieling 1989 I: Tabelle 1, S.1049) и он оказывается одним из самых ранних предметов комплекса кургана, а не самым поздним, как казалось ранее (Клейн 1962). Тогда он скорее всего попал в могилу представителя поколения, следующего за первым владельцем-сарматом, достался понаследству.

Нужно, правда, учесть, что на территории Польши римское время и соответствующие изменения в культуре наступают позже, чем в Подунавье и Порейнье. Латенские, предримские формы здесь могли существовать до 50-х годов I в н.э. (Dąbrowska 1976; Щукин 1991), но существенно это положение дел не меняет. Все равно это одна из наиболее ранних вещей комплекса из «Садового».

Параллели умбону из Высочино дают более широкий разброс дат от последних десятилетий I в до н.э. до конца I в н.э., но максимум распространения этих форм приходится на ступень B-1, преимущественно, очевидно, на 20–70-е года I в н.э.

Поразительная редкость находок щитов с умбоном в степях в какой-то мере объяснима. Ни сарматскому конному лучнику, ни всаднику-катафрактарию, сражавшемуся длинной пикой, державшейся двумя руками, как это, например, показано на известном рельефе Трифона из Танаиса (Ростовцев 1913: Табл.LXXXIV,3; Mielczarek 1993: Fig.20), щит с умбоном был не нужен, даже мешал бы. Обе руки всадника должны были бы оставаться свободными для лука или пик.

Щиты с умбонами — оружие в основном пехотинцев. Особенно широко они использовались кельтами, римлянами и германцами. Причем именно последние, предпочитавшие индивидуальную схватку, широко использовали либо конические заостренные умбоны интересующих нас типов, либо умбоны с шипом-тарчем. Выпуклый умбон прикрывал кисть руки, держащей щит за металлическую или за сделанную из органических материалов рукоятку. В центре щита с внутренней стороны для этого имелось специальное отверстие.

Сравнительно небольшие размеры щита (около 50 на 60 см в диаметре) позволяли оперировать им и как наступательным оружием, не только парировать удары, но и нанести их острием умбона. Эту технику боя германцев-батавов, участвовавших в качестве аукселяриев римской армии в борьбе против британцев, описывает Корнелий Тацит: «И вот батавы стали обрушивать удары своих мечей на британцев, разить их выпуклостями щитов, колоть в ничем не прикрытые лица» (Тас. Agricola 36).

Встречаются изображения этой техники боя и в искусстве германских племен, правда, более позднего времени, например, на шлеме из Венделя в Швеции (Schlette 1972: 67).

Один из участников Славяно-Сарматской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа Сергей Левинсон, биолог, коллекционер холодного оружия, фехтовальщик и любитель восточных единоборств, найдя себя ныне именно в этом виде спорта, став тренером, летом 1976 совершил поход по высокогорным селениям Хевсурии на Кавказе и встретился с людьми, которые еще могли продемонстрировать способы фехтования с маленьким щитом и палашом. Для современного фехтовальщика здесь все выглядело необычно: стойка прямо, лицом к противнику, на полусогнутых ногах, передвижения короткими прыжками, щит и меч, скрещенные перед грудью в полусогнутых руках. В это скрещение боец и пытается пой-

мать оружие противника, задержать его на секунду и ответить ударом мечом или щитом. Резкие удары то мечом, то щитом без замаха, иногда со стремительным поворотом на 360 градусов. Все это больше напоминало технику каратэ, чем современное фехтование.

Возможно так же сражались и древние германские воины, любители индивидуальной схватки и личного героизма. Основной же тактикой сарматского войска всегда была или конная лава лучников, или удар бронированного кулака рыцарей-катафрактариев, прорывающих вражеский строй и сеющих панику в рядах.

Каким же образом в могилы знатных сарматов из «Садового» и Высочино попало это чуждое им оружие? Так далеко от основного ареала его распространения.

При расчистке входа грабительской мины в могильную яму в «Садовом» были обнаружены небольшие кусочки какого-то материала, напоминающего тонкий слой лаковой краски, поблекшей красной и черной. Заметно было даже, что они образуют узор из красно-черных спиралей. Набрался неполный спичечный коробок таких пленок. Какой-либо закономерности в их расположении при расчистке выявить не удалось, все находки в этом месте слишком сильно перемешаны, но щит, вероятно, был красивым. Не знаю, сохранилась ли в Ростовском музее эта коробочка ?

Дело было однако не только в этом. Любопытны и условия находки щита в Высочино. Он был помещен не в саму могилу, а в тайник под ее полом, вместе с наиболее ценными серебряными сосудами. Значит щит тоже представлял собой определенную ценность. Был дорог как память? О чем?

Разрушенность погребения в «Садовом» не позволяет определить местоположение щита в могиле, но, если верно наше допущение о возможности некоторого запаздывания во времени, это могло бы свидетельствовать о том же — ценили и хранили.

Почему? Об этом можно только гадать. Это мог быть и трофей, взятый в бою у какого-нибудь знаменитого германского воина, мог быть и дар некоего соратника-побратима, с которым обменялись оружием во время совместного похода против общего врага, либо подарок какого-нибудь собутыльника-бастарна или другого германца, с которым вместе кутили в таверне где-нибудь в Ольвии, Тире, Аквинкуме или в Карнунтуме. Всего этого мы знать не можем.

О том же, когда и при какой политической обстановке того или иного рода сармато-германские контакты могли осуществляться, можно сказать несколько больше.

Сопоставление этнокарт Северного Причерноморья, описанного Страбоном, жившим до 24 г н.э. и делавшим вставки в свою «Географию» до 18 г н.э. и Плинием Старшим, погибшем при извержении Везувия в 79 г., достаточно наглядно демонстрирует, что в интервале где-то между 18 и 79 гг н.э. произошло определенное смещение сарматских племен в западном направлении (Scukin 1993; Шукин 1994: Рис.71, с.209–211)

Страбон между низовьями Дуная (Истра) и Днепром (Борисфеном) расселяет языгов, сарматов-царских и ургов, между Днепром и Доном (Танаисом) — роксоланов, между Доном, Волгой и восточным побережьем Каспия — аорсов, южнее на реке «Ахардее, изливающимся с Кавказских гор» (скорее всего Кубани) помещает племена сираков. (Strabo VII, III, 17; XI, V, 7–8).

У Плиния (Plin. H.N. IV, 16–83) все племена расположены западнее. Языги оказываются в Среднем Подунавье, «там, где зимние стоянки легионов в Карнунте», то есть или на территории современной Словакии, или на Большой Венгерской Низменности. «Выше Истра и примыкающего побережья Понта» расселены и аорсы-амаксобии, и роксоланы, и первые достоверно упомянутые источником аланы (Plin. H.N. IV, 80).

Переселились, очевидно, и сираки, на Кавказе они в источниках более не упоминаются, а

указываются у Плиния на сравнительно небольшом участке «в районе Ахиллова Дрома» (Plin. H.N. IV,83), который большинство комментаторов склонно сопоставлять с Тендровской косой между устьем Днепра и Перекопским перешейком, в непосредственной близости от Ольвии.

И Страбон, и Плиний, представители разных поколений, достаточно хорошо знали, каждый для своего времени, ситуацию в Северном Причерноморье. Страбон, правда, лучше знал предшествующее ему время эпохи Митридата Евпатора рубежа II-I вв до н.э., когда Северное Причерноморье было фактически частью Понтийской державы. Дед Страбона был полководцем Евпатора, а с некоторыми документами той же эпохи географ мог познакомиться и через другого своего родственника бывшего главным жрецом храма в Коммагене. Храмы, как известно, были и архивохранилищами. Но делал очевидно писатель и поправки на свое время, непосредственно на рубеж эр. (Щукин 1994: 152–161).

Плиний же должен был хорошо знать ситуацию 50–70-х годов I в н.э., поскольку был знаком с наместниками Мезии Флавием Сабином и Плавтием Сильваном, а также беседовал с плененным боспорским царем Митридатом, проживавшим в Риме (Скржинская 1977). Все трое были активными участниками событий и людьми информированными по долгу службы.

Сдвиг сарматских племен на запад подтверждается и археологически. Если для рубежа нашей эры — начала I в н.э., нам известно сравнительно небольшое число сарматских памятников к западу от Днепра и они сосредоточены главным образом в Буджакской степи, например, погребение 4 в Холмском (Гудкова, Фокеев 1989: 8–10, рис.2; Гросу 1988), Турлаки (Гросу 1988: рис.36,7–9, табл.4), погребение 9 в Старых Дубосарах и др. (Щукин 1994: 197), а также на севере Молдавии в так называемой Бельцкой степи и на Буковине — Скаены-Безены и Новые Костешты (Гросу 1982: 8, 10; Рикман 1966: рис.2), Бурякивка (Малеев, Пиоро 1973), Островец (Смішко 1962), Киселов (Винокур, Вакуленко 1963) и некоторые другие (см.Щукин 1989а; 1989б; Shchukin 1989: 314–326; Щукин 1994: 196–197), то с середины I в н.э. число сарматских захоронений к западу от Днепра резко возрастает (Щукин 1989: 70–73, рис.1–2; Гросу 1990).

Некоторые из них достаточно хорошо датированы находками импортной бронзовой посуды — Старые Куконешты, Ульмень-Олтеница и др. (Гросу 1982: 11; Bechir 1977, fig.25,2; Щукин 1989; Щукин 1994: 210).

С середины I в н.э. сарматские захоронения появляются и в лесостепном Поднепровье, распространяясь почти до широты Киева, на территории, занятой прежде носителями зарубинецкой культуры. На всех крупнейших могильниках последней в тот же момент прекращают совершать захоронения (Щукин 1972). В пожарах гибнут зарубинецкие городища в районе Канева, в слоях разрушений найдены железные наконечники сарматских стрел (Максимов 1982: табл.X, XIX,8; Щукин 1994: 196).

Южнее, в нижнем Поднепровье закладывается сарматский могильник Усть-Каменка (Костенко 1995; Махно 1960), гибнет самое северное из цепочки позднескифских городищ Нижнего Поднепровья, Знаменское, а на его валах совершены сарматские захоронения. Прочие городища скифов устояли, но на них поспешно возводятся дополнительные укрепления, а вся территория нижнеднепровских скифов оказывается окруженной кольцом сарматских памятников (Щукин 1970).

С середины I в н.э. достаточно надежно фиксируется и появление сарматских памятников на Большой Венгерской низменности между Дунаем и Тиссой. Попытки связать это явление с более ранними событиями оказались не очень состоятельными (Мочи 1954; Мосцу 1974; Shchukin 1989: 315, 481; Щукин 1994: 223–224, рис.74).

Таким образом и археология фиксирует нам процесс широкого и мощного движения сарматских племен в западном направлении. Возможно истоки и первотолчки этого движе-

ния следует искать где-то далеко на востоке, поскольку и на Кавказе, и в Подонье, и в Поднепровье, и на Днестре появляются элементы культуры явно связанные с Востоком. Это и сам обычай изображать родовые тамги на разных предметах, и некоторые погребальные обряды, и бирюзово-золотой стиль украшений (ярко представленный в массивных, усыпанных бирюзовыми вставками изделиях «Хохлача», «Садового», Дач, Кобякова и других курганов), нефритовые скобы ножен мечей, и другое. С.А.Яценко насчитал 39 таких элементов (Яценко 1993). Большинство их проявляется в богатых захоронениях аристократии, само появление которых тоже есть определенное нововведение эпохи. Назовем еще раз некоторые из них, расположенные к западу от Дона: Запорожский курган (Шилов 1983), Соколова Могила в низовьях Южного Буга (Ковпаненко 1986), Пороги и Мокра на Днестре (Симоненко, Лобай 1991; Щербакова, Кашуба 1993), Ногайчинский курган в степном Крыму (Симоненко 1993: 70–74, рис.1–27; Ščepinskij 1994), Рошава Дрогана в Болгарии (Буюклиев 1986; Werner 1994).

Явно восточное происхождение имеют и находимые в этих аристократических комплексах роскошные вещи «бирюзово-золотого звериного стиля», на сходство которых с предметами из Сибирской коллекции Петра I, с находками из Тилля-Тепе в Афганистане и с другими памятниками уже неоднократно обращалось внимание, в том числе и Л.С. Клейном (Ростовцев 1929; Клейн 1976; Щукин 1989; Treister, Yatsenko 1998; Яценко 2000; Simonenko 2001 и др.)

Выход на историческую арену алан тоже вероятно связан с этим же процессом. Возможно истоки следует искать или в событиях, имевших место в Средней Азии при возникновении простиравшегося от Арала до Индии Кушанского царства, что случилось по данным китайских хроник (Бичурин 1953, т. II: 227–228) «через сто с небольшим лет» после разрушения около 135 г до н.э. Греко-Бактрийского царства юэджями, саками и другими кочевниками, выходцами с севера (Щукин 1994: 208), или в происшествиях в еще более отдаленных северо-восточных районах Центральной Азии. А именно в конфликте между Кангюем и зависимой от него Аланьей в 25–50-х годах I в н.э. (Яценко 1993б: 83; Яценко 1993в: 98). Не исключено, что те и другие события тоже как-то взаимосвязаны.

Я не буду сейчас вдаваться в детальный разбор дискуссии о проблеме происхождения алан и времени их появления в Причерноморье, свою позицию в этом вопросе я уже высказывал. (Щукин 1994: 204–212) Появились и новые работы на этот счет (Туаллагов 1997; Габуев 1999). Поскольку аланы неожиданно фиксируются то на Дунае (Сенека, Плиний), то на Кавказе (Флакк, Лукан, Иосиф Флавий), можно думать, что первоначально речь идет о каких-то сравнительно небольших подвижных группах, возможно о вышедших с востока представителях нескольких знатных аристократических родов с их дружинами, объединенных и династическими браками, и договорами их составлявших, не исключено, некий союз типа «рыцарского ордена». Они-то, возможно, и носили имя «алан», пользовались большим влиянием и авторитетом и имели к тому же широкие династические и прочие связи как в среде Причерноморских сарматов, так и на исходных территориях Средней Азии.

Было бы наивным видеть в каждом погребенном с вещами бирюзово-золотого стиля или с предметами восточного происхождения именно алана. Скорее, в силу престижности и славы аланов, привнесенные ими с Востока элементы культуры стали своеобразной «парижской» модой в интернациональной аристократической среде всех сарматов. Имя алан стало постепенно переходить и на другие руппировки кочевников, вытесняя прежние наименования. Ситуация сходная с распространением позднее терминов «русы», «Русь» или «тюрки» и «хазары». Примеров из истории можно привести достаточно много. Думается,

что процессы были несколько более сложными, чем это представляется, например, С.А.Яценко (Яценко 1993а; 1993б; 1993в).

Когда же и при каких обстоятельствах германцы и сарматы могли иметь взаимные контакты, приведшие к захоронению германских щитов в могилах сарматов? Таких возможностей в интервале от 16 г до н.э. когда источники фиксируют первое нападение сарматов на римскую провинцию Мезия (Dio Cass. LX, 30, 3.) и до конца I в н.э. было несколько. Наиболее же подходящая ситуация сложилась, как кажется, в результате событий 49–79 гг.

Тогда, в 49 г. н.э. возник, спровоцированный римлянами, конфликт между сарматскими племенами сираков и аорсов в Прикубанье, красочно описанный Корнелием Тацитом. (Тас. Ann. XII, 15–19; Щукин 1994, с. 204–212). Возможно отмеченный выше сопоставлением этнокарт Страбона и Плиния, а так же археологически, сдвиг сарматских племен на запад, в какой-то мере был результатом именно этого конфликта. Разбитые аорсами и римлянами сираки или некая их часть покинули Прикубанье и они зафиксированы Плинием уже в районе Тендровской косы, а аорсы и роксоланы расширили свои владения на запад вплоть до Молдовы. Впрочем, процесс массового сарматского прикновения на запад мог быть и более растянутым во времени, в нем могли принять и выходцы из далекой Азии. Как протекали на самом деле события мы достоверно не знаем.

Но мы знаем, что в том же 49 г или чуть позже в Ольвии начал чеканить медные и золотые монеты некий базилевс и протос архонт с иранским именем Фарзой (Щукин 1994, с. 212–218. Там дальнейшая литература). Не без оснований считается, что он был вождем одного из сарматских племен, возникло «царство Фарзоя». О присутствии в городе каких-то сарматов свидетельствуют и хранящиеся в Эрмитаже две мраморных скульптуры львов, буквально испещренные сарматскими тамгами (Драчук 1975).

Судя по распространению монет и концентрации находок вещей с тамгами Фарзоя и его преемника Иненсмея «царство» размещалось между Днестром и Прутом, а на севере приблизительно до линии Бердичев-Тернополь. Некоторые косвенные данные позволяют предполагать, что это варварско-ольвийское политическое образование играло заметную роль в регионе и во внешней политике Рима (Щукин 1982).

Ровно через год, в 50-м году, происходит и другое знаменательное событие тоже достаточно подробно описанное Тацитом (Тас. Ann. XII, 29–30) — сарматы-языги появляются в Центральной Европе, в Среднем Подунавье, где их и фиксирует Плиний — «там, где зимние стоянки легионов в Карнунте» (Plin. H.N. IV.80).

Появлению языгов предшествовала некоторая предыстория, события которой, пожалуй, следует вкратце напомнить читателю. Еще где-то между 9–6 гг до н.э. Маробод, вождем германского племени маркоманнов, обитавшего тогда в бассейне Майна, увел своих людей подальше от римских границ на пустовавшие в тот момент по ряду обстоятельств земли кельтов-бойев, в современную Богемию-Чехию. Обосновавшись там он организовал обширный союз племен, объединивший многочисленные племена вплоть до побережья Балтики, представлявшим весьма существенную угрозу Риму.

В 5 г. н.э. римляне попытались покончить с этой угрозой, на ее ликвидацию было брошено 14 легионов, почти вся армия. Наступали двумя корпусами — с запада по долине Майна и с юга, из Паннонии, беря в клещи сердцевины «державы Маробода», Бойхайм-Чехию. Но когда до встречи двух корпусов римских войск оставалось всего лишь пять дней пути, в тылу южного, руководимого Тиберием, будущим принцепсом, пасынком Октавина Августа, вспыхнуло знаменитое Паннонско-Далматинское восстание местного населения. Теперь угроза исходила отсюда и римляне поспешно заключили в 6 г н.э. с Марободом некий мирный договор, вероятно на весьма выгодных для последнего условиях.

С той поры он оказывается постоянным союзником римлян и в 9 г. н.э., и, когда херуски, жители в основном среднего и нижнего течения Рейна, во главе с их вождем Арминием, подняли антиримское восстание и вырезали в Тевтобургском лесу три легиона римской армии, Маробод от участия в подобных действиях отказался, что естественно должно было воспринято как предательство общегерманских интересов. С Арминием дошло до открытого военного столкновения в 18 г., а через год, вероятно не без наущения римлян, на Маробода напал молодой вождь племени готонев Катувальда. Готонев находились тогда где-то на севере Германии или в Западном Польском Поморье, в низовьях Одера, точно нам не известно.

Маробод был вынужден бежать к римлянам, а вскоре и сам Катувальда был разбит гермундурами и тоже бежал к своим покровителям римлянам. Оба германских вождя были поселены на территории Империи, один в Равенне, а второй в Форум Юлия в Галлии, они еще долго прожили в качестве почетных пленников. Пришедшие же с ними дружины, дабы не смущать спокойствие в провинциях, были переданы вождю племени квадов Ваннию, обитавших за Дунаем, в районе современной Братиславы. Было создано своего рода «буферное государство», которое находилось на известном и древнем торговом «янтарном пути» ведущим от Адриатики в Прибалтику. Тридцать лет Ванний наживался пошлинами, что вызвало недовольство его северных соседей.

В 50 году гермундуры и многочисленные племена лугиев, судя по всему обитателей нынешней средней и южной Польши, представленных археологически носителями так называемой пшеворской культуры, напали на Ванния. Тот же в ответ призвал на помощь конников языгов-сарматов (Тас. Ann. XII, 29–30). Последние в это время представлены вероятно теми сравнительно немногочисленными сарматскими памятниками, которые мы обнаруживаем для рубежа эр в Буджакской степи между низовьями Днестра и Дуная и в Бельцкой степи между Днестром и Прутом на севере Молдовы и в западной Украине — Холмское, Скаены-Безены, Бурякивка, Киселов, Островец и прочие. Почему-то этот регион был во все времена притягательным для кочевников, вспомним хотя бы татар-липов, живших в XIV–XVII вв. около Каменца-Подольского.

Языги, вероятно, были тесными новой волной сдвига сарматских племен на запад, о которой шла речь выше, и не без удовольствия откликнулись на призыв Ванния. Именно с той поры сарматские памятники появляются в Альфельде, на Большой Венгерской Низменности между Дунаем и Тиссой. Сармато-германский контакт в ходе этих событий явно состоялся.

В то же время, или чуть раньше, археологически отмечается продвижение носителей пшеворской культуры в юго-восточном направлении — в верхнее и среднее Поднестровье, где отлагаются памятники специфической синкретичной группы Звенигород-Гринев со смешением пшеворских (германских), сарматских и фракийских элементов. (Свешников 1957; Kropotkin 1977; Козак 1983; 1984; Kozak 1982; Shchukin 1989: 276–286; Щукин 1994: 227–232). Их вполне можно сопоставить с неоднократно отмеченными источниками в этом регионе германцами-бастарнами. Особенно показателен, например, комплекс погребения 8 могильника Гоева гора в Звенигороде (Кропоткин 1974). Захоронение совершено по пшеворскому ритуалу (трупосожжение с согнутым оружием), в пшеворском сосуде-урне, но в качестве крышки использованы фрагменты дакийских сосудов, а наряду с пшеворскими шпорами в могилу помещен согнутый сарматский меч с кольцевым навершием. Имеются на этом могильнике и несколько трупоположений женщин с сарматскими зеркалами (Свешников 1957; Shchukin 1989: fig. 11, 21–27; Щукин 1994: рис. 70).

Любопытное сочетание дакийских, кельтских и сарматских элементов можно видеть и на ажурной обкладке ножен меча из Гринева (Kozak 1982). С сарматским искусством пере-

кликается, например, фигура грифона, напоминающая изображения на некоторых изделиях бирюзово-золотого стиля инесколько более поздние квадратные ажурные бляхи из Южной Осетии (Техов 1959). Умбон из этого погребения Норберт Цилинг отнес к типу I-1, а умбон из погребения 3 в Звенигороде, не без некоторых сомнений, к типу H-1 (Zieling 1989: 979–987), последний однако скорее сопоставим с типом I-1.

Все сказанное может служить иллюстрацией к свидетельству Тацита: «Из-за смешанных браков облик бастарнов становится все безобразнее и они приобретают черты сарматов» (Тас. Герм. 46).

Звенигородская группа по фибулам Альмгрен 68 и другим вещам с достаточной определенностью датируется 40–70 годами н.э. (Shchukin 1989, Part ii, fig. 11, p. 284–285; Шукин 1994, рис. 79, с. 230). Таким образом, одним из наиболее реальных мест возможных контактов сарматов с германцами-бастарнами в середине I в н.э. были районы Верхнего Поднестровья, Буковины и Северной Молдавии. Кстати, один из умбонов Звенигорода (Свешников 1957, рис. 21, 6) и умбон из Гринева (Kozak 1982, Abb. 1–4), близки находке из Высочино.

Впрочем, контакты были и более глубокими, и более далекими. Большой интерес для нашей темы представляют две находки наконечников копий. Один найден в Бодзаново на территории Польши (Zielonka 1958; Ščukin 1993: fig. 3: 25; Шукин 1994, рис. 78: 5), другой совсем далеко — в Валле в Норвегии (Kaczanowski 1988: Рис. 3: 1; Herteig 1995). На обоих серебром инкрустированы тамги Фарзоя (Ščukin 1993: fig. 3: 22, 25; Шукин 1994, рис. 78). Копья не сарматские, германские. Очевидно этот выдающийся сарматский политический деятель и воин пользовался большим авторитетом и славой не только среди соплеменников и ближайших соседей, но и среди германских воинов. Ведь тамга была знаком не только принадлежности к роду и знаком собственности. Знак был магическим, в нем очевидно концентрировалась вся сила и удачливость владельца, его «фарн». Изображая этот знак германские воины, по их понятиям, воспринимали вероятно и часть качеств героя — владельца знака.

Оба комплекса, и Бодзаново, и Валле, относятся к ступени В-2 европейской хронологической системы, то есть совершены захоронения где-то в интервале 70–170-х годов н.э., а в начале этого периода Фарзой был еще безусловно жив.

Как и при каких обстоятельствах контактировали эти германские воины с сарматами, в том числе, вероятно, и выходец из далекой Норвегии, мы не знаем, но сам факт какого-то контакта фиксируется, кажется, достаточно надежно (Shchukin 1994).

С этого же периода и до ступени С-1а, то есть до начала III в, вообще широко распространяются в германской среде инкрустированные серебром наконечники копий, Петр Качановский насчитал 59 пунктов от Норвегии до Вольни, где на наконечниках сочетаются и рунические надписи, и тамгообразные знаки (Kaczanowski 1988). При всем внешнем сходстве, за исключением упомянутой тамги Фарзоя, ни один не находит непосредственного совпадения с известными мне знаками из Северного Причерноморья, в деталях они различны. Возможно германцы восприняли от сарматов только саму идею тамгирования (Ščukin 1993: fig. 3).

К сожалению, С.А. Яценко (2001), создавший основательный каталог тамгообразных знаков от Монголии до Причерноморья, не рассматривал специально находки из Центральной и Северной Европы, а могли бы выявиться до чрезвычайности любопытные совпадения. Но это тема уже для другой работы.

Еще одним свидетельством сармато-германских контактов могут служить два серебряных кубка с золотыми пластинками-накладками из «княжеского» погребения в Хемлин-

гойе в Дании (Werner 1966; Lund Hansen 1995: fig.4: 6a-b, S.141–145), где на накладках изображены олени с подогнутыми ногами, вполне в стиле скифо-сарматского искусства, а между ними человеческие фигурки в странной полуприсядшей позе, вооруженных кинжалами с кольцевидным навершием, характерными именно для сарматов рубежа эр.

О сармато-германских контактах этого времени кроме упомянутых копий со знаками Фарзоя (а в Валле наконечник копья тоже пшеворского облика) могут свидетельствовать, по мнению А.Невенгловского, и некоторые труположения Нижней Силезии. В них найдены проволочные браслеты с завязанными концами, вещи для Центральной Европы ранее не характерные, но известные на сарматских памятниках Венгрии (Niewęglowski 1981: 55), а также появление в пшеворской культуре подвесок в виде миниатюрных ведерок, служивших, возможно, для помещения в них неких ароматических веществ и известных в I в до н.э. — I в н.э. в сарматской среде Северного Причерноморья, правда, по большей части в бронзовом исполнении, в отличие от железных пшеворских (Бажан, Каргопольцев 1989).

На территории же гермундуrow о сармато-германских контактах может свидетельствовать находка зеркала VI типа по А.М.Хазанову (1963: 63–64) в погребении 783 могильника Кляйнцербст вместе с происходящей из Норика пряжкой (Schmidt-Thielbeer 1967: Taf. 118, b-c). Наиболее же тесные контакты особого рода можно предполагать с готонами-готами, носителями вельбаркской культуры Польского Поморья и густовской группы Нижнего Одера и побережья Грайфельдерского залива между Одером и Ютландией (Shchukin 1989: 292–302; Шукин 1994: 190–201, 244–278).

В погребения этих культурных групп не было принято помещать оружие и о контактах в этой области мы ничего не знаем, но зато некоторые элементы новой культуры, формирующейся на севере Европы с начала нашей эры, явно имеют Южноевропейское, а скорее, Северопричерноморское происхождение. Это выражается, в частности, в появлении здесь браслетов с шишечками на концах, а затем, в специфической форме, браслетов со змеиноголовыми окончаниями, подвесок в виде крупной бусины в бронзовой или золотой оплетке и другого, а также в начавшемся широком использовании на Севере Европы техники зерни и филигранны. (Shchukin 1989: 244–278).

В этой связи особый интерес представляет не очень многочисленная, но чрезвычайно яркая группа находок, на которую обратил внимание в свое время Эрик Нюлен (Nylén 1968). Картина их распространения действительно интригующа до чрезвычайности. Имеются ввиду 6 золотых торквесов с колбовидными окончаниями, украшенных зернью и филигранью тонкой работы. Один — болотная находка в Дронинглунде в Дании (Müller 1900), второй обнаружен при раскопках небольшого гордища Хавор на острове Готланд в составе клада римских бронзовых сосудов ступени В-2 (Nylén 1968), третий найден случайно при строительстве дороги в Трольхэттене в западной Швеции (Andersson 1995: 102), пара подобных гривен происходит из разрушенных крестьянами погребений на берегу Тясмина в Среднем Поднепровье у села Залевки (Бобринский 1887) вместе с мелкими золотыми предметами, сарматскими мечами с кольцевидным навершием, фрагментами сарматской керамики (Шукин 2000), еще одна выявлена в разрушенном захоронении в Ольвии (Ouvagoff 1855: Pl. XIV). Сходство всех их между собой столь велико, что можно подозревать, либо руку одного мастера, либо производство в одной мастерской. Рассмотрение хронологии приводит к заключению, что наиболее вероятное время создания этих вещей приходится на 20–70-е гг. I в. н.э. (Шукин 2000: рис.4).

Не менее любопытен и тот факт, что начиная со ступени В-1а, а главным образом на ступенях В-1b, В-2 и С-1а, то есть где-то в интервале 10 — 220 гг. в Скандинавии и Северной Европе широко распространяются украшения из драгоценных металлов, исполненные

в технике зерни и филиграни — грушевидные подвески, биконические бусы, S-видные скрепы ожерелий и прочее. Ни в предшествующее, ни в последующее время такого явления не наблюдается. (Andersson 1995; Müller 1956; NyLén 1968; Щукин 2000). Распространение немногочисленных таких изделий вдоль Эльбы вплоть до Чехии как бы маркирует движение гетонов Катуальды, хотя, это, естественно, лишь косвенное археологическое отражение событий. А что маркируют находки гривен в стиле Хавур в Залевках и в Ольвии? Наличие некоего кельтского вклада в них тоже достаточно очевиден.

Техника зерни и филиграни не была секретом ни для кельтов, ни для римлян, но наиболее активно она использовалась греческими мастерами Восточного Средиземноморья, создавшими такие шедевры эллинистического ювелирного искусства, как серьги из Куль-Обы, Феодосии и прочие. Но это было еще в IV в до н.э. Тенденция эта не прерывалась очевидно и в последующее время (Musche 1988). Более того мы имеем вполне очевидные свидетельства, что греческие, боспорские или иные мастера, владевшие техникой зерни и филиграни, работали и по заказам варваров-сарматов Прикубанья, создавая весьма специфические вещи в виде фибул-баранчиков, зайчиков и прочие (Анфимов 1986: 171, 180).

Тогда встает вопрос — не попали ли некие группы таких мастеров в результате реконструированных выше событий в Скандинавию и северную Европу, работая здесь на новых заказчиках, производя в знакомой им технике грушевидные подвески, биконические бусы, гривны типа Хавур? Другого объяснения наблюдаемого феномена я, признаться, не вижу. Вряд ли Скандинавы сами изобрели заново технику зерни и филиграни. Германо-сарматский контакт в I в н.э. очевидно имел место быть, а в этом контексте находки германских щитов в могилах сарматской знати становятся не столь уж удивительными. Возможны, впрочем, и иные версии.

Литература

- Анфимов Н.В. 1987. Древнее золото Кубани. Краснодар. 1987.
- Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю. 1989. Об одной категории украшений-амулетов римского времени в Восточной Европе // СА. № 3.
- Беспальный Е.И. 1985. Курган I в.н.э. у г.Азова // СА. № 4.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф). 1953. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Том II. М.-Л.
- Блаватский В.Д. 1951. Харакс // МИА № 19.
- Блаватский В.Д. 1960. Раскопки Пантикапея в 1954–1958 гг. // СА. № 2.
- Бобринский А. 1887. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. Том I. СПб.
- Буюклиев Х. 1986. Тракийский некрополь при Чаталка, Старозагорски окръг // Разкопки и проучвания. Кн. XVI, София.
- Винокур И.С., Вакуленко Л.В. 1967. Киселовский могильник I-II вв н.э. // КСИА. Вып. 112.
- Габуев Т.А. 1999. Ранняя история алан. Владикавказ.
- Гросу В.И. 1982. Периодизация памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья // АИМ 1977–1979. Кишинев.
- Гросу В.И. 1990. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев.
- Гудкова А.В., Фокеев М.М. 1984. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I-IV вв н.э. Киев.
- Драчук В.С. 1975. Система знаков Северного Причерноморья. Киев.
- Капошина С.И. 1963. Курганы сарматской знати на Нижнем Дону // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований Академии Наук. Москва.
- Капошина С.И. 1965. Итоги работ Кобяковской экспедиции // КСИА. Вып. 103.
- Капошина С.И. 1967. Связи сарматских племен Нижнего Подонья в I в до н.э. и в первые века нашей эры // Античное общество. Москва.
- Капошина С.И. 1967а. Итальянский импорт на Нижнем Дону // Записки Одесского археологического общества. Том II (35).
- Капошина С.И. 1968. Сарматы на Нижнем Дону // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Ленинград.

- Капошина С.И. 1969. Кельтский котел из Садового кургана в Новочеркасске // КСИА, вып.116.
- Капошина С. И. 1973. Научное значение находок из Садового кургана // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону.
- Клейн Л.С. 1962а. Садовый курган — новый выдающийся памятник сарматской культуры // Вестник ЛГУ. Серия языкознания, истории и литературы. Вып. 4.
- Клейн Л.С. 1962б. Садовый курган —новый выдающийся памятник сарматской культуры // ВДИ № 2.
- Клейн Л.С. 1971. Сарматский тарандр и вопрос о происхождении сарматов // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. Москва.
- Клейн Л.С. 1979. О характере римского импорта в богатых курганах сарматского времени на Дону // Античный мир и археология. Саратов.
- Ковпаненко Г.Т. 1986. Сарматское погребение I в н.э. на Южном Буге. Киев.
- Козак Д.Н. 1983. Памятники рубежа и первых веков нашей эры в Поднестровье и Западном Побужье // Славяне на Днестре и Дунае. Киев.
- Козак Д.Н. 1984. Пшеворська культура у Верхньому Подністров'і і Західному Побужжі. Київ.
- Козак Д.Н. 1991. Етнокультурна історія Волини (I ст. до н.е. — IVст. н.е.). Київ.
- Костенко В.И. 1993. Сарматы в Нижнем Поднепровье (по материалам Усть-Каменского могильника). Днепропетровск.
- Кропоткин В.В. 1974. Пшеворское погребение I в н.э. из с. Звенигород (Львовская обл.) // КСИА. Вып. 40.
- Максимов Е.В. 1982. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев.
- Малеев Ю.М., Піоро І.С. Сарматське поховання в с. Буряківка на Тернопільщині // Археологія. Вип. 12.
- Махно Е.В. 1960. Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу у с. Усть-Кам'янка // АП УРСР. Вип. 9.
- Мочи А. 1954. К вопросу о периодизации раннесарматской эпохи // ААН. Т. 4. Fasc.1—4.
- Музыкаевич Н.Н. 1847. Записки Одесского общества любителей истории и древностей. Том I. Одесса.
- Раев Б.А., Яценко С.А. 1993. О времени первого появления аланов в юго-восточной Европе // Скифия и Боспор. Новочеркасск.
- Рикман Э.А. 1966. Поздние сарматы Днестровско-Дунайского между речья // СЭ. N 1.
- Ростовцев М.И. 1929. Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль // Seminarum Kondakivianum. Прага. 1929.
- Свешников И.К. 1957. Могильники липицкой культуры в Львовской обл. (раскопки у сел Звенигород и Болотное) // КСИИМК. Вып. 68.
- Симоненко А.В. 1993. Сарматы Таврии. Киев.
- Симоненко А.В., Лобай Б.И. 1991. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в н.э. Киев.
- Скржинская М.В. 1977. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев.
- Смішко М.Ю. 1962. Сарматські поховання біля с. Острівець, Станіславської обл. // МДАПВ. Вип. 4.
- Сокольский Н.И. 1955. О боспорских щитах // КСИА. Вып. 58.
- Техов Б.В. 1959. Об ажурных поясных пряжках из Юго-Осетии // СА. № 4.
- Туаллагов А.А. 1997. К вопросу о присхождении ранних алан // Stratum + ПАВ. Спб.-Кишинев.
- Хазанов А.М. 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. № 4.
- Шилов В.П. 1983. Запорожский курган (к вопросу о погребениях аорской знати) // СА. № 1.
- Щербакова Т.А., Кашуба М.Т. 1993. Сармато-аланские древности. (Курганные захоронения близ с. Мокры). Тирасполь.
- Щукин М.Б. 1970. К истории Нижнего Поднепровья в первые века нашей эры // АСГЭ. Вып.12.
- Щукин М.Б. 1972. Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой // АСГЭ. Вып. 14.
- Щукин М.Б. 1982. Царство Фарзоя. Эпизод из истории Северного Причерноморья // СГЭ. Вып. XLVII.
- Щукин М.Б. 1989а. Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в н.э. в Центральной и Восточной Европе // СА. № 1.
- Щукин М.Б. 1989б. На западных границах Сарматии. (Некоторые проблемы и задачи исследования) // Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Новочеркасск.
- Щукин М.Б. 1991. Некоторые проблемы хронологии раннеримского времени. (К методике историко-археологических сопоставлений) // АСГЭ. Вып. 31.
- Щукин М.Б. 1994. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в до н.э. - I в н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.
- Щукин М.Б. 1995. Две реплики: о Фарзое и надписи из Мангупа, царе Артавасде и погребении в Косике // ВДИ. № 4.
- Щукин М.Б. 2000. Находки у с. Залевки и проблема происхождения Северо-Европейского филигранного стиля I-II вв н.э. // Stratum plus. № 4. Время великих миграций. СПб., Кишинев, Одесса.

- Шукин М.Б. 2001. Залевки и Тур Хайердал // 70 лет Отделу Археологии Эрмитажа. Тезисы докладов юбилейной сессии. СПб.
- Яценко С.А. 1993а. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I-II вв н.э. // ПАВ. Вып. 3.
- Яценко С.А. 1993б. Аланы в Восточной Европе в середине I — середине IV вв н.э. (локализация и политическая история) // ПАВ. Вып.6.
- Яценко С.А. 1993в. Основные волны новых элементов костюма в Сарматии и политические события I в. до н.э.- III в н.э. Происхождение стиля «клуазонне» // ПАВ. Вып. 4.
- Яценко С.А. 2001а. О мнимых «бактрийских» ювелирных изделиях в Сарматии I-II вв н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. Волгоград.
- Яценко С.А. 2001б. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. Москва.
- Andersson K. 1993. Romarotida i guldsmede i Norden. I. Katalog. Uppsala.
- Andersson K. 1995. Romarotida i guldsmede i Norden. III. Švriga smycken, teknisk analys och verkstadgrupper. Uppsala.
- Bichir G. 1977. Les sarmates au Bas-Danube // Dacia. T. XXI. Bucuresti.
- Bohnsack D. 1938. Die Burgunden in Ostdeutschland und Polen während der letzten Jahrhunderts v. Chr. Leipzig.
- Dąbrowski I., i K. 1967. Cmentarzysko z okresów późnolateńskiego i wpływów rzymskich w Wesółkach, pow. Kalisz. // Polski badania archeologiczne. Tom 15. Wrocław etc.
- Dąbrowska T. 1976. Początek okresu wpływów rzymskich w Polsce Wschodniej. // Prace Archeologiczne 22. Kraków.
- Eichorn G. 1922. Der Urnenfriedhof auf der Schanze bei Grossromstedt // Mannus-Bibliothek. Nr. 41. Leipzig.
- Elantkowska J. 1961. Uzbrojenie ludności kultury przeworskiej w okresie rzymskim na Śląsku // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza. Archeologia-Etnografia. Zesz.2. Poznań
- Godłowski K. 1981. Kultura przeworska. In: Prahistoria ziem polskich. Tom V. Wrocław etc.
- Godłowski K. 1985. Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszym okresie rzymskim. Wrocław etc.
- Haffner A. 1971. Das keltisch-römische Gräberfeld von Wederath-Belgium // Trier Grabungen und Forschungen. Bd VI,1. Mainz.
- Haffner A. 1974. Zum Ende der Latenezeit im Mittelrheingebiet unter besonderer Berücksichtigung des Trierer Landes // Archäologisches Korrespondenzblatt. 4.
- Herteig A.E. 1955. Bildrag til jaraderens busetinshistorie par toten. Oslo.
- Hoffman W., Schmidt B. 1959. Die wichtigsten Neufunde des Jahres 1956 aus dem Lande Sachsen-Anhalt // Jahreschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte. Bd 43. Halle.
- Jahn M. 1916. Die Bewaffnung der Germanen in der älteren Eisenzeit etwa von 700 v. Chr. bis 200 n. Chr. Würzburg.
- Jasnosz S. 1978. Osiągnięcia Muzeum Archeologicznego w Poznaniu w badaniach nad okresami późnolateńskim i wpływów rzymskich // Fontes Archaeologici Poznanienses. Tom 27. 1976 (1978).
- Kaczanowski P. 1988. Chronologia inkrustowanych grotów broni drzewcowej z okresu wpływów rzymskich z obszaru europejskiego Barbaricorum // Scripta Archaeologica. Kraków
- Kaposhina S.I. 1963. A Sarmatian Royal Burial at Novoherkassk // Antiquity. Vol. 37. №148.
- Kelten in Gallien. 1978. Die Kelten in Gallien. Ausstellung im Museum für Völkerkunde. Wien.
- Kmieciński J. 1962. Zagadnienie tzw. kultury gocko-gepidzkiej na Pomorzy Wschodnim w okresie wcześniejszym. Tódź.
- Kossak G. 1962. Frühe römische Fibeln aus dem Alpenvorland und ihre chronologischen Kulturverhältnisse // Aus Bayerns Frühzeit. Festschrift Fr. Wagner. München.
- Kozak D.N. 1982. Eine Bestattung aus der ersten nachchristlichen Jahrhundert am Oberlauf des Dnjestr // Germania. Bd 60. 2. Halbband.
- Kropotkin V.V. 1977. Denkmäler der Przeworsk-Kultur in der Westukraine und ihre Beziehungen zur Lipica — und Cernjachov-Kultur // Symposium Ausklang der Latene-Zivilisation und Anfänge der germanische Besiedlung in Mittleren Donaugebiet. Bratislava.
- Leube A. 1976. Bewaffnung und Kampfweise. In: Die Germanen. Bd 1. Berlin. S. 334–343.
- Lund Hansen U. 1995. Himlingrje — Seeland -Europa. Ein Gräberfeld der jüngeren römischen Kaiserzeit auf Seeland, seine Bedeutung und intentionalen Beziehungen. København.
- Mielczarek M. 1993. Cataphracti and Clibanarii. Studies on the heavy armoured cavalry on the ancient world. Lodz.
- Moczy A. 1974. Die Einwanderung der Iazygen // Acta Antiqua. T. XXV. Fasc.1–4. Budapest.
- Musche B. 1988. Vorderasitischer Schmuck zur Zeit der Arsachiden und Sasaniden. Leiden.
- Müller A. 1956. Die bimen- und kügelförmigen Anhänger der älteren römischen Kaiserzeit // Offa. Bd 1956.

- Müller A. 1957. Formenkreise der älteren römischen Kaiserzeit im Raum zwischen Havelseeplate und Ostsee. Berlin. 1957.
- Müller S. 1900. En fremed halsring af guld fra førromersk tid // Aarbüger. 1900.
- Niewęglowski A. 1981. Obrządek porzębowy ludności kultury przeworskiej na przelomie er. Wrocław etc.
- Nosek S. 1947. Novy materialy do poznania kultury wenedzkiej // Światowit 1939–1945 (1947).
- Nylén E. 1968. Die älteste Goldschmiedekunst der nordlichen Eisenzeit und ihr Ursprung // Jahrbuch der Römisch-Germanischen Zentralmuseum Mainz. Jg. 15.
- Raddatz K. 1985. Die Bewaffnung der Germanen von letzten Jahrhundert v. Chr. bis zur Völkerwanderungszeit // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Bd II. Principat 12.
- Raev B.A. 1986. Roman Imports in the Lower Don Basin // B.A.R. International Series 278. Oxford.
- Redlich C. 1960. Fragen der Socialgeschichte der Westgermanen im Spiegel ihrer Bewaffnung // Westfallische Forschungen. Bd.12 (1959).
- Schmidt-Thielbeer E. 1967. Das Gräberfeld von Wahlitz, Kr. Burg. Berlin.
- Ščepinskij A.A. 1994. Über die Aristokratie der Sarmaten im nördlichen Schwarzmeergebiet // Zeitschrift für Archäologie, Bd. 28. Berlin.
- Ščukin M.B. 1993. A propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains l'époque Romaine (d'après l'armement et spécialement les *umbo* de boucliers et les lances) // L'armée Romaine et les Barbares du III-e au VII-e siècle. Paris.
- Simonenko A. 2001. Chinese and East Asian Elements in Sarmatians Cultures of the North Pothic Region // Silk Road Art and Archaeology. Vol. 7. Kamakura.
- Schlette F. 1972. Germanen zwischen Thorsberg und Ravenna. Berlin.
- Shchukin M.B. 1989. Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe Ist Century B.C.- Ist Century A.D. // B.A.R. International Series 542. Oxford.
- Shchukin M. 1994. Shields, swords and spears as evidence of German-Sarmatian contacts and Barbarian-Roman relations // Beiträge zu Römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lublin-Marburg.
- Spekke A. 1957. The Ancient Amber Routs and Geogrphcal Discovery of the Eastern Baltic. Stockholm.
- Treister M., Yatsenko S. 1988. About the Centres of Manufacture of Certain Series of Horse-Harness Roundels in «Gold-Torquise Animal Style» of the I-st — II-nd Centuries AD // Silk Road Art and Archaeology. Vol. 5. Kamakura
- Vaday A. 1980. Neure Angaben zur Frage der sog. Schildkopfartringes. // Slovenska archaeologia. 28.
- Verma E.M. 1989. Ringschmuk mit Tierkopffenden in der Germania Libera. // B.A.R. Internationalen Series 507. Oxford.
- Wegewitz W. 1937. Die Langobardische Kultur im Gau Moswidi (Niederelbe zu Beginn unserer Zeitrechnung) / Die Urnenfriedhöffe in Niedersachsen. Bd II, Heft 1/2. Hildesheim-Leipzig.
- Wegewitz W. 1940. Die Langobarden an der Niederelbe // Reinert (Hrsg). Vorgeschichte der Deutschen Stämme. Bd II. Leipzig.
- Werner J. 1966. Das Aufkommen von Bild und Schrift in Nordeuropa. München.
- Werner J. 1977. Spätlatenische Schwerter norischer Herkunft // Symposium Ausklang der Latène-Zivilisation und Anfänge der germanischen Besiedlung im mittleren Donaugebiet. Bratislava.
- Werner J. 1994. Chinesischer Schwertraggügel der Han-Zeit aus einem thrakischen Hauplingsgrab von Šatalka (Bulgarien) // Germania. Jg 72 .1. Halbband.
- Weski T. 1982. Waffen in germanischen Gräbern der älteren römischen Kaiserzeit südlich der Ostsee // B.A.R. International Series. 147. Oxford.
- Wiklak K. 1965. Cmentarzysko ciałopalne kultury lużyckiej i wenedzkiej w Leznicy Wielkiej, pow. Ścżczyca // Wiadomości archeologiczne. Tom 31.
- Wolągiewicz R. 1970. Der Zufluss römischer Importe in das Gebiet nördlich der mittleren Donau in der älteren Kaiserzeit // Zeitschrift für Archäologie. Jg. 4.
- Wolągiewicz M.D. i R. 1963. Uzbrojenie ludności Pomorza Zachodniego u progu naszej ery // Materiały zachodnio-pomorskie. Tom. X, Szczecin.
- Zassetskaja I.P. 1995. Le kourgane «Khokhlatch» ou trésor de Novotcherkassk // L'or de sarmates. Abbaye de Daoulas.
- Zeiling M. 1989. Studien zu germanische Schilden der Spätlatène und römische Kaiserzeit im freien Germanien // B.A.R. International Series 505. Oxford.
- Zielonka B. 1958. Cmentarzysko w Bodzanowie w pow. aleksandrowskim // Przegląd Archeologiczny. T. X, 1954–1956. S.331–337.